

УДК 340.111:341.231.14

Концепция всеобщего (универсального) права и международного государства и концепция относительности прав человека как видение основ более устойчивого глобального правопорядка

Е.Т. Байльдинов,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры конституционного и международного права
Новосибирского государственного технического университета,
доцент кафедры международного права
Новосибирского государственного университета
Россия, г. Новосибирск
ergali.06@mail.ru

Рассматриваются проблемы формирования более безопасного, гармоничного и справедливого глобального порядка. В качестве правовой основы такого мироустройства предлагается концепция всеобщего (универсального) права и международного государства, а также концепция относительности прав человека.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная гармония, глобальный порядок, всеобщее (универсальное) право, международное государство, относительность прав человека.

Любое международное сотрудничество невозможно без некоей общности взглядов и интересов. При всем многообразии культур и различии взглядов и интересов всегда найдется нечто общее, на основе чего строятся разносторонние, разнородные и поликультурные взаимоотношения. Эта духовная общность, сближающая индивидов, народы и государства, определяется, как известно, категорией «общечеловеческие моральные ценности».

Однако для регулирования разнообразных международных (как межгосударственных, так и негосударственных) отношений одних лишь общечеловеческих моральных ценностей явно недостаточно. Необходим более сильный социальный регулятор на уровне любых общественных отношений — общечеловеческое, или, как мы его назвали в контексте данной работы, *всеобщее (универсальное) право*, которое может (и должно) быть положено в основу не только международных, но и внутригосударственных правоотношений¹. Другими словами, нужна всеобщая правовая первооснова в виде единых для всех государств принципов, на базе которых могло бы осуществляться развитие национально-правовых систем и международного права. Разумеется, что для этого необходимо и единообразное понимание этих исходных принципов [37, с. 113—119; 29, с. 40; 15, с. 65, 92—94; 43, с. 4—18]. При этом не следует отождествлять понятие «всеобщее (универсальное) право» с концепциями *World Law* (G. Clark и L. Sohn) [48, с. 19—60]², *Transnational Law* (автор Ph. Jessup), а также с кон-

цепцией Глобальной правовой системы (автор В.М. Шумилов) [40, с. 73; 41, с. 46—52], хотя они имеют много общего.

Основной смысл идей американских ученых Г.Кларка и Л. Соны в первом случае сводится к трансформации международного права в так называемое глобальное право с подчинением последнему права государств, что предполагает создание всемирного государства с передачей ему значительных наднациональных полномочий в целях глобального управления и обеспечения «глобального права» и, как следствие, существенную утрату государствами своего суверенитета.

Во втором случае Ф. Джессап понимал под транснациональным правом комплекс норм, включающий в себя международное право, а также договорные нормы, создаваемые частными субъектами, относящимися к разным национальным юрисдикциям, для регулирования своих международных отношений, то есть нормы, регулирующие любые транснациональные отношения — как межгосударственные, так и международные отношения частного и «диагонального» характера. В отличие от Ф. Джессапа, В.М. Шумилов не смешивает международное право и транснациональное право и видит их как подсистемы Глобальной правовой системы, включающей в себя национальное (внутригосударственное) право, международное (межгосударственное) право, транснациональное право и наднациональное право (то есть нормы, создаваемые международными институтами, имеющие непосредственное дей-

¹ Данные взгляды отражают и развивают естественно-правовую парадигму внутригосударственного и международного права. [29, с. 37—47; 39, с. 745.]

² Концепция *World Law* в дальнейшем была развита многими последователями, в частности немецким исследователем O. Hoffe [52].

ствие и преимущественную силу на территории государств, учредивших эти международные институты) [40, с. 73; 41, с. 46—52]. В нашем же случае с всеобщим правом речь идет об универсальном общеправовом «корне», который, в свою очередь, «произрастает» из «семени» общей для всего человечества морали.

Такая необходимость вызвана и тем объективным фактом, что большинство национальных правовых систем до определенного исторического периода развивалось преимущественно изолированно или в рамках однородной в правовом и культурном смысле среде. С развитием международного права и международно-правового сотрудничества происходит медленное сближение национальных правовых систем [2]. Однако это сближение происходит в основном не по фундаментальным, а по частным аспектам, и вызывается нуждами сотрудничества в определенных специфических сферах. Поэтому, несмотря на значительный прогресс в международно-правовом сотрудничестве и сближение правовых культур и правовых систем, серьезные коллизии в правопонимании (а значит, и в правоприменении) продолжают иметь место в современных международных отношениях. При этом существующие коллизии создают значительные проблемы сотрудничеству и развитию не только в отдельных сферах международного общения, но, прежде всего, в фундаментальных основах права. Одним из таких фундаментальных разногласий следует признать разное понимание права [20, с. 11] и вытекающие отсюда значительно различающиеся от культуры к культуре концепции прав человека [17, с. 115—120; 3, с. 150; 11, с. 14—36]. Без единого для всего мира видения сущности права, которое должно лежать в основе правовых систем, невозможно эффективно регулировать все многообразие общественных отношений, в котором живет и развивается человечество. Вне эффективного правового регулирования невозможно и устойчивое развитие человеческого общества.

Идея необходимости всеобщих, универсальных и единых для всего человечества правовых начал возникла на заре человеческой цивилизации и уже тогда отражала настоящую потребность в единообразных подходах к регулированию международных отношений. Вся история человечества, в том числе и государственно-правовая, а также история политико-правовой мысли убедительно демонстрируют мощную тенденцию, идущую из глубины веков и усиливающуюся по мере развития человечества, — тенденцию постепенного сближения правовых систем, их унификации, универсализации правосознания, а значит, и в целом права как системы норм, регулирующих раз-

личные общественные отношения [29, с. 38—47]. Таким образом, необходимость в неких единых подходах к правовому регулированию всего многообразия общественных отношений, как внутригосударственных, так и международных (то есть во всеобщем праве), объективно существует.

К сожалению, немногие государственные деятели, политики и даже ученые ее видят или придают должное значение постановке вопросов и решению проблем, связанных с данной необходимостью. Высказываются опасения, что универсализация права приведет к потере национального суверенитета [38, с. 492—503].

Однако на это можно возразить даже тем, что любой факт равноправного международного сотрудничества уже предполагает ограничение национального суверенитета. Другой аргумент против подобных опасений заключается в том, что всеобщее право, в случае всемирного признания его как такового, наоборот, только еще больше укрепит суверенные права народов, поскольку в соответствии с этим правом как имеющим моральное, естественно-правовое начало, только народ может выступать единственным источником национального суверенитета. Следовательно, в случае признания всеобщего права любой произвол, любой незаконный акт национальных властей и даже сама незаконная власть будут в принципе невозможны, при условии, конечно, если всеобщее право будет обеспечено полномочными международными наднациональными институтами. Иначе говоря, именно возможность государственных властей нарушать нормы права в своих узкокорыстных интересах может стать, на наш взгляд, главной причиной неприятия идеи всеобщего права и непризнания необходимости его существования. Видимо, авторы подобных высказываний исходят из того, что единственным источником национального суверенитета является не народ — нация, а власти преобладающие — элита.

Есть и другая консолидированная точка зрения, сторонники которой, хотя и признают необходимость всеобщего права в виде концепции прав человека, рассматривают его как часть международного права и считают, что вполне достаточно регулировать международные отношения на основе действующего международного права [14, с. 50—57]. Однако, как показали политические события на рубеже XX и XXI веков, современное международное право в должной мере не обеспечивает устойчивости мирового развития, а его основные принципы весьма противоречивы даже во внутреннем контексте и требуют серьезного переосмысления и установления строгой логической и гармоничной иерархии

между ними¹. К примеру, анализ принципа уважения прав человека приводит к необходимости либо признать индивида субъектом международного права, что противоречит основной международно-правовой доктрине, либо признать наличие всеобщего права, которое принцип уважения прав человека и отражает.

Попытки признать индивида особым субъектом международного права не выдерживают серьезной критики, поскольку индивид может принять на себя только такие международно-правовые обязательства, которые он в состоянии выполнить физически, духовно и (или) экономически. Даже если предположить, что индивид заключил международный договор с каким-либо государством, то он, как субъект международного правоотношения, в случае противоречия норм международного договора его национальному законодательству не может позволить себе не соблюдать законов своей страны, в то время как государство, будучи участником международного договора, вправе заявить о приоритете его норм перед нормами своего национального законодательства.

Представляется, что всеобщее право уже сегодня реально существует в виде признанной многими государствами концепции прав человека, о чем свидетельствует количество стран, ратифицировавших международные пакты о правах человека и протоколы к ним. Так, по данным *Amnesty International*, по состоянию на 31 декабря 2003 года таких государств было 149 [45]. Проблема, к сожалению, заключается в том, что в разных странах права человека понимаются по-разному [13, с. 67—81], а также в чисто формальном признании данной концепции некоторыми государствами, которые на деле не всегда ее придерживаются. Тем не менее, хочется верить, что человечество рано или поздно придет к единой, универсальной концепции прав человека.

Кроме того, как известно, Международный суд ООН в соответствии с подпунктом «с» п. 1 ст. 38 своего Статута при разрешении переданных ему споров наряду с международными договорами и обычаями применяет «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» [46]. Сей факт является, на наш взгляд, доказательством реального существования и признания международным сообществом всеобщего (универсального) права в виде общих принципов права. Как отмечал Л. Опенгейм, «государства, принявшие Статут, прямо признали существование третьего источника международного права, хотя и

чисто дополнительного, но независимого от обычая и договора» [31, с. 47]. Хотя в доктрине нет однозначного мнения о том, что понимается под термином «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», большинство исследователей сходится во мнении, что это наиболее общие, универсальные, базовые правовые начала как для национальных правовых систем, так и для международного права [21, с. 160—161].

Однако для регулирования общественных отношений с участием разнородных субъектов (т. е. субъектов с разной физической и правовой природой) одной лишь универсальной концепции прав человека, а также общих принципов права явно недостаточно. Необходимо еще выработать и закрепить *принципы правоотношений* как между однородными, так и между разнородными субъектами, причем принадлежащими как к одной, так и к разным национальным правовым системам. В этой связи представляется, что предметом регулирования всеобщего (универсального) права должны стать *любые отношения*, которые могут возникнуть между *любыми субъектами*, принадлежащими как к одной правовой системе, так и к разным, а объектом — все то, по поводу чего возникают такие отношения.

Кроме того, представляется, что *главной целью всеобщего (универсального) права (следовательно, и права вообще) следует признать устойчивое развитие человечества, понимаемое как безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие каждого человека, каждого народа и каждого государства в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей*. Таким образом, предлагается понимать право не с крайних позиций персонифицизма или социоцентризма, а с позиции гармонии прав и интересов всех субъектов рассматриваемой общественной системы. Соответственно, субъектами всеобщего права должны быть признаны:

- индивиды;
- создаваемые индивидами для реализации своих прав и законных интересов юридические лица;
- народы, не имеющие своей государственности (или культурно-этнической автономии) и борющиеся за свои права;
- суверенные государства и государственноподобные образования;
- международные объединения как межгосударственного, так и негосударственного, а также смешанного характера, создаваемые для

¹ Полагаем, что это можно сделать, если Генеральная Ассамблея ООН примет, как предлагал Ю.Н. Малеев, официальное определение общепризнанных (основных) принципов международного права [22, с. 20].

реализации прав и законных интересов индивидов, юридических лиц, народов и человечества в целом.

Отсюда следует, что **всеобщая (универсальная) правосубъектность** — это юридическая возможность для любого субъекта права, относящегося к какой-либо правовой системе, иметь правоотношения с любым другим субъектом права, относящимся как к данной, так и к другой правовой системе, быть физически, духовно и экономически способным реализовывать свои права и обязанности, а также нести соответствующую юридическую ответственность за неисполнение своих обязанностей, которые возникают на основе всеобщего права в силу договора, международного договора, национальных и иных норм права¹.

Таким образом, несмотря на имеющиеся возражения, представляется, что для регулирования любых отношений в глобализирующемся мире и с различным составом субъектов необходима общеправовая универсальная основа, которая, безусловно, давно получила право на существование и всеобщее признание.

Проблема сущности всеобщего права естественным образом вытекает из проблемы его необходимости. При этом важность проблемы сущности всеобщего права заключается не только и не столько в необходимости эффективно регулировать всевозможные отношения как внутреннего, так и международного характера между разнообразными субъектами, относящимися как к одной национальной правовой системе, так и к разным, сколько в определении его первоосновы (первоисточника).

Большинство исследователей, так или иначе разделяющих необходимость общих подходов к регулированию общественных отношений, сходятся во мнении, что в основу универсализации права должна быть положена концепция прав человека [29, с. 40; 17, с. 115—120]. Однако проблема усугубляется тем, что, как уже упоминалось, права человека в разных странах и регионах в силу культурных различий понимаются по-разному [22; 13, с. 68—70; 17, с. 115—120]. Кроме того, само понятие «право» в разных странах имеет несколько отличающиеся интерпретации. Если на Западе в основе этого понимания лежит верховенство прав человека как неотъемлемых и неотчуждаемых прав и свобод отдельной личности и, соответственно, приоритет прав индивида перед правами государства, то на Востоке —

это подчинение прав и свобод отдельной личности интересам коллектива и социума в целом.

Однако при этом надо отметить, что даже самые либеральные демократии в своей практике сталкиваются с необходимостью подчинять права и интересы отдельных личностей правам и интересам общества. В качестве примера можно сослаться на закон USA Patriot Act от 26 октября 2001 года, принятый в США в связи с событиями 11 сентября 2001 года, ущемляющий базовые права и свободы граждан, этот «незыблемый» фундамент американской правовой системы, но направленный на обеспечение безопасности всего общества в целом [7, с. 10—13]. В этой связи представляется, что всеобщее право должно гармонично сочетать в себе рациональные зерна как западного, так и восточного правопонимания. Кроме того, это должна быть, на наш взгляд, интегральная правовая концепция, объединяющая и гармонизирующая наиболее принципиальные положения основных современных теорий права, прошедших проверку временем². Соответственно, возникает вопрос: возможна ли подобная конвергенция различных правовых культур и формирование на этой основе единообразного правопонимания во всем мире? Некоторые ученые утверждают, что в силу культурных различий существование универсальных стандартов прав человека невозможно [33, с. 5, 16, 57, 58, 62, 71, 192; 3, с. 150]. Однако, думается, это не совсем так. Даже если элементарно исходить из принципа формального равенства всех людей на Земле, то непременно приходишь к мысли о том, что в основе взаимоотношений между людьми должны лежать некие общие для всех и признаваемые всеми нормы поведения. Если существует универсальная мораль в виде общечеловеческих ценностей, то почему не может существовать и универсальное право? Полагаем, на этот вопрос можно ответить положительно.

Как известно, либертарная концепция прав и свобод человека, претендующая на универсальность, утверждает в качестве Абсолюта незыблемость прав человека, их неотъемлемость и неотчуждаемость, а также их приоритет перед правами государства и социума в целом. Однако, на наш взгляд, права отдельного человека в принципе не могут быть абсолютно неотчуждаемыми и неотъемлемыми. В качестве примеров можно сослаться на уже упомянутые выше факты принятия законов о

¹ Предлагаемое видение универсальной правосубъектности, конечно же, неоспорно. В данной работе автор ставил своей целью лишь обозначение общих концептуальных контуров рассматриваемой проблемы с намерением подтолкнуть экспертное научное сообщество к ее широкому обсуждению, поскольку эта проблема, несомненно, требует более глубокого и детального изучения и осмысления.

² Видимо, основу всеобщего (универсального) права должны составить согласующиеся между собой основные положения юснатурализма, позитивизма (нормативизма), а также элементы социологической и некоторых других теорий, отражающих моральное начало права.

борьбе с терроризмом в США, а также в России. В соответствии с этими законами, к примеру, государство в лице его военной организации не только вправе, но и обязано сбивать гражданские самолеты, захваченные террористами, если возникает угроза использования этих самолетов для нанесения более крупного ущерба обществу, сопровождающегося массовой гибелью людей, даже несмотря на то, что на борту могут находиться ни в чем не повинные заложники. Другой пример. Полицейский в США вправе стрелять на поражение, если преступник не сдастся и существует реальный риск совершения им новых преступных действий и нанесения тем самым обществу еще большего ущерба.

Кроме того, серьезно ущемляют права человека и гражданина нормы законодательства США, разрешающие специальным органам и полиции прослушивать телефоны частных лиц и компаний в целях обеспечения безопасности всего общества. Явление аналогичного порядка — также и ограничение права на самоопределение тех народов, которые входят в состав более крупных наций, правами и законными интересами большинства населения страны. Отсюда следует, что права человека — явление относительное, а права отдельного человека всегда относительно по отношению к общим правам каждого человека. Даже в тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 года, если повнимательней присмотреться к оговорке о непротиворечии прав одних правам и интересам других членов общества (статья 29), можно увидеть прямой намек на то, что права отдельного человека относительно по отношению к общим правам всех и каждого (то есть к правам общества). Именно в этой *относительности*, на наш взгляд, и заключается возможность универсализации концепции прав человека.

В этой связи представляется, что в качестве универсальной концепции прав человека следует принять доктрину, которая признает высшей ценностью человека, его права и свободы, но при этом исходит из *относительности* прав отдельной личности по отношению к правам общества в целом и, следовательно, из приоритета общих прав перед частными. Это значит, что каждый человек обладает всеми необходимыми правами в общепризнанном и равном для всех объеме, однако при этом частные права отдельных людей и (или) социальных групп могут ограничиваться, но только в тех случаях, когда они противоречат общим правам всех остальных членов общества. Кроме того, не все права в общепризнанном наборе прав человека обладают для последнего одинаковой значимостью.

Очевидно, что наиболее важным и ценным для любого человека, а, стало быть, обладающим для него высшим приоритетом перед всеми другими правами, является его право на жизнь (безопасность). Отсюда следует, что и права всего общества могут ограничиваться, но только в тех случаях, когда возникает реальная угроза безопасности для всех и каждого члена общества, имея в виду, что при этом *status quo* будет немедленно восстановлен сразу после того, как такая угроза перестанет существовать.

Такая гибкая концепция позволяет и западным демократиям, и так называемым восточным государствам уживаться друг с другом в едином идеологическом поле. И те, и другие в принципе остаются на своих позициях, лишь несколько сместив акценты в пользу друг друга: Запад «меняет» *абсолют* прав человека на их *относительность* по отношению к общим правам всех членов общества, а Восток признает тот факт, что права государства должны быть направлены на реализацию прав всех членов общества в одинаковой степени и что первые должны быть обусловлены и определяемы вторыми. Если в какой-то стране хотят возвести права отдельной личности или, наоборот, права государства в некий незыблемый и непоколебимый абсолют, то это, конечно, суверенное право такого государства.

Однако, как представляется, жизнь рано или поздно заставит пересмотреть такие взгляды, как это уже было в США после событий 11 сентября 2001 года, и прийти к концепции не приоритета частного перед общим, а *учета частного при приоритете общего*. Другими словами, в основу всеобщего (универсального) права должна быть положена концепция *относительности* прав человека, которая не абсолютизирует права отдельной личности, не устанавливает жестко неизменными набор, содержание и объем этих прав, а ставит их в зависимость от общих прав и законных интересов каждого члена общества, в котором данная личность живет и развивается. Иначе говоря, исходным началом во всеобщем праве должны стать, безусловно, гармония наиболее общих прав и интересов всех людей на Земле.

Таким образом, **всеобщее (универсальное) право** можно определить как **обеспеченную международным сообществом государств систему норм, регулирующих всевозможные общественные отношения в интересах всех заинтересованных субъектов и в гармонии с общечеловеческими правами и интересами.**

В современной теории права понятие «всеобщее (универсальное) право» отсутствует. Однако существует огромное количество универсалистских доктрин, отражающих этот

феномен [52], а также концепция мирового права в различных интерпретациях, которая активно дискутируется в научных и практических кругах [23, с. 24—47; 24, с. 7—17; 26, с. 40; 28; 9, с. 15; 14, с. 50—57; 36, с. 39—52; 18, с. 92—95; 8, с. 19—35; 41, с. 46—52; 56, р. 184—185], особенно в контексте создания всемирного государства для обеспечения мирового права [48, р. 19—60; 35, с. 412—425; 43, с. 10—11; 1; 25; 19, с. 5—12].

События конца XX и начала XXI веков показывают неэффективность правовых механизмов системы ООН в глобальном управлении. Многие государства и союзы государств, опираясь на систему ООН, позволяли и продолжают позволять себе грубо попирали нормы международного права. В качестве примеров можно привести гуманитарную интервенцию НАТО в Югославии 1999 года, военную кампанию США и их союзников против Ирака 2003 года, военную операцию НАТО против Ливии в 2011 году. Естественно, что подобная ситуация не может не беспокоить мировое сообщество, когда сильные в военном, технологическом и финансово-экономическом отношении государства, когда это им выгодно, просто не замечают существования международного права. При этом даже ООН, наиболее действенная и уважаемая международная организация, не в состоянии удержать такие государства, и в особенности постоянных членов Совета Безопасности, от нарушения норм международного права и привлечь их за это к международно-правовой ответственности.

В этой связи напрашивается вывод о необходимости создания более эффективной, чем нынешняя ООН, структуры глобального управления, которая смогла бы убедить любое государство, не говоря уже о прочих субъектах, следовать нормам всеобщего и международного права. Подобной структурой, как представляется, может стать такой институт, как всемирное (международное) государство, обладающее соответствующими ресурсами, инфраструктурой и полномочиями, которому суверенные государства добровольно передали бы часть своих суверенных прав. Очевидно, наиболее подходящим фундаментом для такой структуры может выступить только система ООН.

С точки зрения сегодняшних реалий, перспектива трансформации ООН во всемирное государство выглядит, конечно, весьма сомнительно и даже фантастично. Даже если предположить, что мировое сообщество в большинстве своем через длительное время придет к

пониманию необходимости глобального наднационального органа управления мировыми процессами, то собственно сам процесс становления всемирного государства займет весьма продолжительный период. Совершенно очевидно также и то, что этот процесс встретит мощное сопротивление отдельных государств, будет очень противоречивым и трудным, поскольку затронет в первую очередь национальные интересы тех государств, которые сегодня *de facto* управляют миром.

В международных научных кругах время от времени возникают дискуссии по поводу идеи всемирного государства [1; 25; 19, с. 5—12; 23, с. 24—47; 24, с. 7—16; 14, с. 50—57; 37, с. 113—119; 29, с. 40; 49, р. 140; 6, с. 30—40]. Ряд исследователей ратует за создание такой международной структуры, даже предлагаются различные ее модели, однако большинство ученых и политиков выступают против, поскольку, с их обобщенной точки зрения, создание такого международного института приведет к потере национального суверенитета [38, с. 484—487].

Совершенно очевидно, что, несмотря на все существующие споры, процесс создания такого государства уже *de facto* идет в виде глобализации, через развитие сети международных организаций [47, р. 1—37], через растущее глобальное влияние транснациональных корпораций, через активное создание региональных наднациональных структур и т.п. [10, с. 13—139] При этом наряду с трансформацией биполярного мира в монополярный под эгидой США весьма явно заметна еще одна мощная тенденция — к «полиполяризации» мира, развалу системы нераспространения ядерного вооружения, созданию различных региональных объединений вокруг местных «лидеров», появлению на международной арене мощных и влиятельных негосударственных деятелей. По всей видимости, эти два параллельных и взаимосвязанных процесса рано или поздно приведут мир к пониманию необходимости создания более эффективной системы глобального управления. Ряд исследователей представляют такую систему в виде всемирного «центра» и нескольких региональных «федераций»¹. Налицо зачаточный и противоречивый процесс институализации международных отношений и формирования на этой основе международного государственно-правового организма, представляющего собой совокупность «центрального» и «региональных» *международных государств*.

¹ Подобные взгляды были выражены на организованной журналом *Foreign Affairs* научной дискуссии [52]. Концепция взаимодействующих «единых пространств» высказывалась Н.В. Загладиным (см.: *Загладин Н.В.* Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. №1. С. 24). Концепция *Global Governance* получила развитие в работах зарубежных исследователей J. Rosenau, O. Young, T. de Montbrial, M. Smouts и др. [38, с. 500—501]. Концепция «демократической мировой республики» развивалась О. Hoffe [54].

В этой связи представляется совершенно необходимым дать понятие используемому здесь термину «международное государство», поскольку в современной теории международного права данное понятие отсутствует. Международно-правовая наука относит такие региональные образования к международным организациям¹. (Конфедерация в силу своей международно-правовой природы также является по сути международной организацией, но в отличие от последней, как правило, не обладает международной правосубъектностью и тем более наднациональными полномочиями в отношении государств-учредителей) [30, с. 311]. Однако, в отличие от классической международной организации, это совершенно новое международно-правовое явление, обладающее всеми признаками государства, включая наднациональный суверенитет, распространяющийся на объединенную территорию всех входящих в такую структуру государств. К примеру, Европейский союз вряд ли можно однозначно детерминировать как международную организацию. С точки зрения сегодняшних реалий и происходящих в Европе интеграционных процессов, это региональное образование больше представляет собой некое подобие федеративного государства, чем международную организацию [4, с. 199—215; 42; 5; 16, с. 194—198; 26, с. 27—39]. Поэтому, на наш взгляд, под международным государством следует понимать **союз суверенных государств, созданный на основе международного договора, в соответствии с которым союз наделяется международной правосубъектностью и наднациональной юрисдикцией в сфере общих интересов входящих в него государств**. Естественно, что наделение союза наднациональной юрисдикцией в сфере общих интересов предполагает передачу ему определенной части национального суверенитета входящих в него государств [27, с. 98]. В этом заключается коренное отличие международного государства, понятие которого здесь используется, от классической межправительственной международной организации². Другими словами, международно-правовая сущность международного государства и его отличие от международной организации определяется только *объемом общей компетенции и объемом суверенитета, передаваемого в общую компетенцию*. Чем

более широкой является сфера общих интересов объединившихся государств и чем большим «наднациональным» суверенитетом обладает такое объединение государств, тем больше оно отражает сущность международного государства. В свою очередь, от федеративного государства международное государство отличается только тем, что субъекты такой «международной федерации» обладают национальным суверенитетом (хотя и добровольно несколько ограниченным) и международной правосубъектностью. Очевидно также и то, что международное государство в силу самого факта своего создания тоже должно обладать международной правосубъектностью, которая определяется в соответствии с учредительным международным договором. Таким образом, международное государство по своей международно-правовой природе занимает промежуточное положение между федеративным государством и международной организацией.

В соответствии с данной точкой зрения международные государства можно классифицировать по трем основным признакам: количеству объединившихся суверенных государств (по кругу государств-учредителей); объему общей компетенции; объему передаваемого в общую компетенцию суверенитета.

Ввиду отсутствия достаточного мирового опыта в создании международных государств мы пока можем классифицировать настоящие и будущие международные государства только теоретически и в основном по первому признаку. Таким образом, по этому признаку международные государства можно подразделить на *всемирное государство*, которое, возможно, учредят в будущем большинство суверенных государств, и *региональные государства*, которые сформируют страны соответствующих регионов [51, р. 226; 55; 53; 50; 58].

Сразу необходимо оговориться, что в контексте данной работы не ставится задача более детальной разработки теории международных государств, несмотря на всю актуальность и безусловную важность этой проблематики. Вне всякого сомнения, рассматриваемая концепция международного государства требует дальнейшего развития и более глубокого научного осмысления. Тематика настоящего исследования ограничивает понимание сущности международного государства только концептуаль-

¹ Иного мнения придерживается С.В. Черниченко: «Межправительственная организация, даже наделенная наднациональными полномочиями, остается механизмом межгосударственного сотрудничества и объективно не может быть носителем «частичного» государственного суверенитета [39, с. 755].

² Теория международных организаций достаточно детально проработана в трудах российских (Г.И. Тункин, Е.А. Шибеева, М.М. Бирюков, В.М. Шумилов, А.Н. Талалаев и др.) и зарубежных (П. Хэй, П. Пескатор, Д. Боуэт и др.) авторов. Е.А. Шибеева, например, считает наличие наднациональной компетенции у международных организаций «особым юридическим качеством» таких организаций» (цит. по: Международное публичное право / отв. ред. К.А.Бекяшев. — М., 2009. С. 357). Представляется, что именно это особое юридическое качество, заключающееся в наднациональной юрисдикции в сфере общих интересов государств-учредителей, и отличает классические международные организации от международных государств.

ным и упрощенным видением этого международно-правового феномена, поскольку понятие международного государства используется здесь лишь в качестве методологической базы для объяснения доминирующих в современных международных отношениях тенденций.

Теперь о системе и структуре всеобщего (универсального) права. Как представляется, в его основу, помимо концепции *относительности* прав человека, должны быть положены также базовые принципы гармоничных взаимоотношений между *любыми* субъектами права, отражающие общечеловеческие моральные универсалии и наиболее общие интересы любого человека. (В контексте данной работы эти принципы определены как принципы социальной гармонии или принципы устойчивого развития). Кроме того, необходимо обеспечить реализацию названных норм соответствующими нормами об ответственности. Поэтому, помимо концепции относительности прав человека и принципов устойчивого развития (социальной гармонии), в состав всеобщего права необходимо ввести и нормы об ответственности за нарушения норм всеобщего права. Иначе говоря, нормы об ответственности должны стать второй важной составляющей всеобщего права.

Однако одних только материальных норм в составе всеобщего права, безусловно, недостаточно. Необходимы механизмы реализации и применения материальных норм, порядок их принятия и отмены. Иначе говоря, в вопросе о том, как должны приниматься (отменяться), реализовываться и применяться нормы всеобщего права, также должны быть общие взгляды и подходы. Полагаем, в качестве таких общих взглядов и подходов могут быть использованы общие процессуальные принципы в виде известных юридических максим, дошедших до нас из римского права, таких, например, как «последний закон отменяет предыдущий», «общий закон отменяется специальным», «договоры не вредят и не приносят выгоды третьим лицам», «никто не может быть судьей в собственном деле», «никто не может предоставить другому больше, чем имеет сам», «равный над равным власти не имеет» и другие. Поскольку эти нормы прошли проверку и временем, и «пространством» (большинство государств мира основывают на них свои процессуальные системы), то думается, что на них можно смело опереться при разработке всеобщего процессуального права.

Таким образом, в качестве третьей составляющей всеобщего права в дополнение к названным следует предусмотреть и общие для любой правовой системы процессуальные основы. В этой связи представляется, что общими

для каждой правовой системы процессуальными нормами могли бы стать нормы, регулирующие:

1) единообразный порядок принятия (отмены) норм права (например, какие органы вправе принимать (отменять) нормы права, каким должен быть кворум при принятии (отмене) норм права и т.д.);

2) единообразный порядок реализации и применения норм права, в том числе: единообразные механизмы реализации; единые подходы в толковании норм права; единообразный порядок рассмотрения и разрешения споров; единообразный порядок проведения расследования и оперативно-розыскных мероприятий и т. д.; единообразный порядок уголовного и административного судопроизводства; единообразный порядок осуществления контроля и надзора за соблюдением права; единообразный порядок исполнения решений суда как по гражданским, так и по уголовным делам; единообразный порядок исполнения наказаний;

3) прочие процессуальные аспекты.

Полагаем, однако, что система всеобщего права не может ограничиваться лишь тремя названными составляющими. Разумеется, даже при наличии общеправовых основ и общих процессуальных подходов при регулировании международных (в особенности частных) отношений могут возникать различного рода коллизии. При этом может случиться так, что контрагенты, принадлежащие к разным национальным правовым системам, не оговорят применимое к возможным спорам право. В этой связи представляется, что частью всеобщего права, а именно его четвертой составляющей, должны стать наиболее общие коллизионные принципы, определяющие применимое право в конкретной ситуации столкновения различных национальных правовых систем.

Как известно, современная практика регулирования международных частных отношений исходит либо из международных договоров, разрешающих существующие коллизии, либо из привязки правоотношения с иностранным элементом к конкретной национальной правовой системе. Поэтому думается, что закрепление наиболее общих и распространенных коллизионных принципов в качестве норм всеобщего права позволит более эффективно регулировать отношения между субъектами, принадлежащими к разным правовым системам.

В качестве пятой составляющей всеобщего права можно определить принципы правового государства как нормы, регулирующие организацию и деятельность международного государства, ибо никакие, даже самые передовые, правовые идеи и принципы нереализуемы,

если для этого нет соответствующих государственно-правовых условий. Очевидно, что все вышеназванные нормы всеобщего права могут быть наиболее эффективно реализованы только в условиях правового государства. При этом, разумеется, принципы правового государства должны распространять свое действие не только на международное государство, создаваемое в обеспечение норм всеобщего права, но, в первую очередь, на сами государства-члены.

К сожалению, дополнительной проблемой здесь становится то, что в различных литературных источниках в качестве принципов правового государства приводится достаточно различающийся от автора к автору их перечень [34, с. 104—108]. Тем не менее, внутренняя содержательная сущность всех предлагаемых вариантов сводится к примерно одинаковому набору основных идей. Поэтому, полагаем, этот перечень может быть представлен следующими принципами, без которых реализация норм всеобщего права практически невозможна:

- принцип господства (верховенства) права;
- принцип обеспеченности господства права необходимыми и достаточными ресурсами;
- принцип равенства всех без исключения субъектов права перед законом и судом;
- принцип независимого контроля за соблюдением норм права;
- принцип неотвратимой ответственности за правонарушения;
- принцип легитимности государства;
- принцип независимости правоохранительной, судебной и пенитенциарной систем.

Правовая сущность этих принципов состоит в следующем.

Господство (верховенство) права. В системе принципов правового государства данный принцип является исходным. Он означает обязательность соблюдения норм права всеми без исключения субъектами (в том числе суверенными государствами и их руководителями), строгую подчиненность всех общественных отношений, всех субъектов этих отношений, а также всех принимаемых решений и действий праву. Все издаваемые или заключаемые государством акты должны соответствовать праву. При этом предполагается также, что праву должны соответствовать и все юридические процедуры, включая выработку, принятие, применение, толкование, контроль за исполнением, привлечение к ответственности за нарушения, изменение, приостановление, введение в действие, прекращение и отмену правовых норм.

Господство права невозможно, если государство не обладает для этого соответствующими ресурсами. *Принцип обеспеченности господ-*

ства права необходимыми и достаточными ресурсами означает, что господство права и его неукоснительное соблюдение всеми без исключения субъектами должны быть обеспечены необходимыми физическими, духовными и экономическими ресурсами в достаточном количестве и соответствующего качества. При этом категория «ресурсы» имеет в данном контексте расширительное толкование и включает в себя в том числе структуру государства, наличие соответствующих государственных органов и их полномочия, эффективные механизмы реализации права, «качество» государственных служащих, бюджет и другие материальные и нематериальные активы и т.д.

Господство права предполагает также и *равенство всех перед законом и судом*. Без этого невозможно нормальное функционирование права и закона. Наличие в обществе правового неравенства говорит об отсутствии в нем верховенства права. Следовательно, и о правовом государстве не может быть речи.

Для обеспечения верховенства права необходим *независимый контроль за соблюдением норм права, а также неотвратимая ответственность за их нарушение*. Независимый контроль должен осуществляться как соответствующими государственными органами, так и обществом. Для более эффективного обеспечения верховенства права возможен и международный контроль основанный на соответствующих международных договорах. Только такой перекрестный и максимально полный контроль позволяет предотвратить, а также выявить возможные правонарушения, за которые обязательно должна наступать юридическая ответственность. Если такая ответственность не предусмотрена или она не наступает в результате неэффективной работы государственных органов, то говорить о верховенстве права не имеет смысла.

Легитимность государства означает, что только народ как единственный источник государственной власти (национального суверенитета) может законным образом (референдум, выборы) определить основы своего государства, делегировать ему определенные властные полномочия и выбрать своих представителей для управления им. Очевидно, что легитимное государство возможно только в условиях реального верховенства права.

Верховенство права невозможно, если отсутствуют *независимые от политической и административной власти судебная, правоохранительная и пенитенциарная системы*. Независимость данных органов государства предполагает их подчиненность только праву. Это вовсе не означает, что судебные, правоохранительные и пенитенциарные органы

государства должны находиться вне правового контроля, о котором говорилось выше.

В качестве еще одной категории всеобщего (универсального) права следует признать, на наш взгляд, *акты общемировых референдумов*, которые должны проводиться по вопросам, имеющим значение для всего человечества. Это вытекает из сущности всеобщего (универсального) права, источником которого выступают права и наиболее общие интересы всего человечества в целом.

Что касается норм, которые будет издавать международное государство во исполнение всех вышеперечисленных норм всеобщего права, а также международных договоров, которые государства будут заключать между собой с целью позитивного развития действующих норм всеобщего права, то их следует относить не к всеобщему, а соответственно к наднациональному или международному праву.

Таким образом, система всеобщего права должна включать в себя:

- концепцию относительности прав человека и принципы устойчивого развития (социальной гармонии);

- принципы и нормы об ответственности за нарушение норм всеобщего права;

- общие для всех правовых систем процессуальные принципы;

- наиболее общие коллизионные принципы;

- принципы правового государства;

- акты общемировых референдумов.

В контексте определения состава всеобщего права возникает новый вопрос — об иерархии всех составляющих это право норм и их соотношении. Очевидно, что высшее положение в иерархии должны занимать нормы, представляющие собой «каркас» всей системы всеобщего права. Это нормы, несущие главную идейную нагрузку, устанавливающие основы любых правоотношений, отражающие непосредственную сущность всеобщего права и определяющие цели и методы регулирования общественных отношений в любой социальной системе. Этими нормами, на наш взгляд, должны стать *концепция относительности прав человека, акты общемировых референдумов, принципы устойчивого развития (социальной гармонии)*, выражающие стратегическую цель всего человечества — **безопасное, свободное, всестороннее и гармоничное развитие во времени и пространстве каждой личности, каждого народа и каждого государства в согласии с окружающей природной и социальной средой на основе равных прав и равных возможностей**.

Кроме того, *высшему положению* этих норм в системе всеобщего права должна соответствовать и их высшая юридическая сила. Полагаем

в этой связи, что концепция относительности прав человека, принципы устойчивого развития (социальной гармонии) и акты общемировых референдумов должны приобрести императивный характер и приоритет перед всеми другими нормами, причем как всеобщего, так и международного и национального права.

На *второй ступени* в системе норм всеобщего права должны находиться, на наш взгляд, принципы правового государства, ибо вне определяемых ими условий, вне правового государства устойчивое общественное развитие не представляется возможным.

Совершенно очевидно, что принципы и нормы об ответственности, обеспечивающие исполнение всех остальных норм всеобщего права, должны занять *третье место* в системе норм всеобщего права. Это иерархическое положение определяется той важной ролью, которую играют эти нормы в любой правовой системе.

Четвертую позицию в иерархии норм всеобщего права должны занимать, по нашему убеждению, процессуальные нормы, поскольку они приводят в действие материальные нормы. Кроме того, в связи с тем, что процессуальные нормы всеобщего права должны устанавливать общие для любой правовой системы основы порядка принятия (отмены), реализации и применения норм права, то они должны иметь приоритет перед коллизионными принципами, которые указывают лишь на применимое национальное право в отношениях с иностранным элементом. Следовательно, в случае, если национальные процессуальные нормы, которые необходимо будет применить вследствие коллизионного принципа, будут противоречить процессуальным нормам всеобщего права, то последние должны иметь приоритет. Таким образом, наиболее общие коллизионные принципы должны занять *пятую позицию* в иерархии норм всеобщего (универсального) права.

Особого внимания заслуживает вопрос об иерархии норм международных договоров, которые будут заключаться в развитие норм всеобщего права. Международные договоры могут заключаться в развитие самых различных норм, занимающих и различное иерархическое положение. Следовательно, положение норм договоров будет зависеть от места в иерархии той нормы всеобщего права, которая получает развитие в данном международном договоре. К примеру, если заключенный международный договор внес изменения во всеобщий процессуальный порядок, то нормы такого договора будут соответствовать иерархии процессуальных норм в системе всеобщего права.

Таким образом, согласно предлагаемой иерархии вся система норм всеобщего права приобретает следующий вид:

1) концепция относительности прав человека, принципы устойчивого развития (социальной гармонии), акты общемировых референдумов;

2) принципы правового государства;

3) принципы и нормы об ответственности за нарушение норм всеобщего права;

4) общие для всех правовых систем процессуальные принципы;

5) наиболее общие коллизионные принципы.

Таким образом, мы пришли к представлению о том, как может выглядеть система норм всеобщего права, включая ее иерархическую архитектуру, а также международное государство, создаваемое в обеспечение этих норм. Разумеется, это всего лишь авторское видение контуров более устойчивого миропорядка, которое, безусловно, требует широкого обсуждения экспертным сообществом.

Список литературы

1. *Адамишин А.Л.* На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. 2002 № 1. Ноябрь-декабрь.
2. *Бахин С.В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): дис. ... докт. юрид. наук. — СПб., 2003.
3. *Бахин В.И.* Вторая Всемирная конференция по правам человека // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 150.
4. *Бирюков М.М.* Лиссабонский договор о новой роли парламентов государств-членов в механизме принятия решений институтами Европейского союза / Отношения Россия — ЕС на пороге перемен. *Liber amicorum* в честь Л.М. Энтина. Европейский учебный институт МГИМО (У) МИД РФ. — М., 2009. С. 199—215.
5. *Бирюков М.М.* Европейский союз, Евроконституция и международное право. — М., 2006. 256 с.
6. *Богатуров А.Д.* Кризис миротворческого регулирования // Международная жизнь — International Affairs. 1993. № 7. С. 30—40.
7. *Брамль Й.* От правового государства к государству безопасности? Ограничение гражданских прав личности администрацией Буша // Социальные и гуманитарные науки: отеч. и зарубеж. лит. Реферативный журнал. Сер. 4. Государство и право. 2005. № 3. С. 10—13.
8. *Гаврилов В.В.* Развитие концепции правовой системы в зарубежной правовой доктрине во второй половине XX — начале XXI веков // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 19—35;
9. *Дмитриева Г.К., Лукашук И.И.* Международный принцип демократии // Международная жизнь. 1992. № 11—12. С. 15.
10. *Дюмон Х.* Вопрос о европейском государстве с точки зрения конституционалиста // Социальные и гуманитарные науки: отеч. и зарубеж. лит.: Реферативный журнал. Сер. 4. Государство и право. — М., 2005. № 1. С. 8—14.
11. *Евменов Л.Ф.* Проблемы международной идеологии прав человека: принципы и императи-

вы // Международное право. Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 24—36.

12. Европейское право: учебник / под ред. Л.М. Энтина. — М., 2000. С. 92—93.

13. *Искакова Г.К.* Права и свободы человека в условиях посткоммунистического транзита. — Алматы, 2003. С. 67—81.

14. *Каламкарян Р.А.* Концепция господства права в современном международном праве // Государство и право. 2003. № 6. С. 50—57.

15. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. — М., 1995. С. 65, 92—93, 94.

16. *Колосов Ю.М.* О понятии Европейского международного права // Российский ежегодник международного права. 2006. С. 194—198.

17. *Колотова Н.В.* Право и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2006. № 2. С. 115—120;

18. *Кочетов Э.Г.* Глобалистика: теория, методология, практика. — М., 2002. С. 92—95.

19. *Лебедева М.М.* Изменение политической структуры мира на рубеже веков // Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы: матер. Междунар. конф. РАМИ, МГИМО (У), МИД РФ, ИСИ ННГУ (29—30 сент. 2000 г.) / под общ. ред. О.А. Колобова). — М., 2001. С. 5—12.

20. *Лейст О.Э.* Сущность права: проблемы теории и философии права. — М., 2002. С. 11.

21. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. — М., 2005. С. 160—161.

22. *Малеев Ю.Н.* Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. № 1(21). С. 20.

23. *Малеев Ю.Н.* Совет Безопасности ООН и вопросы международного управления // Международное право. 2006. № 1(25). С. 24—47.

24. *Малеев Ю.Н.* Перспективы международного управления // Вестник МГОУ. 2007. № 4(29). С. 7—16.

25. *Малеев Ю.Н.* 60 лет Организации Объединенных Наций. Сколько еще? // Международное право. 2005. № 3.

26. *Малеев Ю.Н.* Европейское право — международное право в контексте отношений Россия — Европа // Международное право. 2008. № 4(36). С. 27—39.

27. *Моисеев А.А.* Надгосударственность в современном международном праве. — М., 2007. С. 98.

28. *Нарочницкая Н.А.* Права человека и мировая политика: концепции и реальность // Законодательство и право. 2007. № 8.

29. *Нерсесянц В.С.* Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38—47.

30. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. — М., 1996. С. 311.

31. *Оппенгейм Л.* Международное право / пер. с англ. — М., 1948. Т. 1 (полутом 1). С. 47.

32. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под ред. Е.А. Лукашевой. — М., 2002.

33. Право быть человеком: Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993 г.). — Минск, 1996. С. 5, 16, 57, 58, 62, 71, 192.

34. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. — М., 2000. С. 104—108, 189.

35. *Тункин Г.И.* Теория международного права. — М., 1970. С. 412—425.

36. *Хабаров С.А.* Парламент ООН: политико-правовые концепции // Представительная власть:

мониторинг, анализ, информация. 1996. № 9—10. С. 39—52.

37. Цивадзе Н.А. Задачи международного права в глобализирующемся мире: по материалам Московского юридического форума «Глобализация, государство, право, XXI век» // Государство и право. 2003. № 10. С. 113—119.

38. Цыганков П.А. Теория международных отношений. — М., 2003. 590 с.

39. Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. — М., 2009. С. 745.

40. Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система // Внешнеэкономический бюллетень. 2002. № 8. С. 73.

41. Шумилов В.М. Концепция Глобальной правовой системы // Юрист-международник. 2003. № 3. С. 46—52.

42. Энтин Л.М. Право Европейского союза: новый этап эволюции: 2009—2017 годы. — М., 2009.

43. Эркарт Б., Чайлдерс Э. Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 10—11.

44. Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2004. № 4. С. 4—18.

45. <http://www.amnestyinternational.org>

46. Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. — London, 1953.

47. Chimni B.S. International Institutions Today: an Imperial Global State in the Making // European

Journal of International Law. 2004. Vol. 15. No 1. P. 1—37.

48. Clark G., Sohn L. World Peace Through World Law. — Cambridge, 1985. P. 19—60.

49. Defarge Ph. Les conflits de droits // Defence nationale. 2001. № 2. P. 140;

50. Eberhard Ch. The Intercultural Challenges of Law and Governance in a Globalizing World // www.lawandsociety.org

51. Ferencz B. New Legal Foundations for Global Survival: Security Through the Security Council. — Oceana Publications. 1994. P. 226.

52. Foreign Affairs. 1990. № 4.

53. Haveman R., Kavran O.; Nicholls J. Supranational Criminal Law: A System Sui Generis. — Intersentia Publishing. 2003.

54. Hoffe O. Demokratie im Zeitalter der Globalisierung. — Munchen, 1999.

55. Nicolaidis K. & Shaffer G. Transnational Mutual Recognition Regimes: Governance Without Global Government // www.law.duke.edu/journals/lcp.

56. Suganami H. The Domestic Analogy and World Order Proposals. — Cambridge, 1989. P. 184—185.

57. Slaughter A.M. A New World Order. — Princeton University Press. 2004.

58. Schrijver N. The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status. — Martunus Nijhoff Publishers, 2008.

Concept of Universal Law and International State and Concept of Relativity of Human Rights as Vision of Principles of World Order

Ergali T. Bayldinov,

Cand. in Economics, assoc. prof. of Dept. of Constitutional and International Law
in Novosibirsk State Technical University
Russia, Novosibirsk
ergali.06@mail.ru

The article is devoted to the problems of a more secure, more harmonic and more justified global order. As a legal basis for such an order the author proposes a concept of Universal Law and International State as well as a concept of Human Rights Relativity.

Keywords: sustainable development, social harmony, global order, Universal Law, International State, Human Rights's Rights.

References

1. Adamishin A. Na puti k mirovomu pravitel'stvu // Rossiya v global'noj politike. 2002 № 1. Nojabr'—dekabr'.

2. Bahin S.V. Sotrudnichestvo gosudarstv po sblizheniju nacional'nyh pravovyh sistem (unifikacija i garmonizacija prava): dis. ... dokt. jurid. nauk. — SPb., 2003.

3. Bahmin V.I. Vtoraja Vsemirnaja konferencija po pravam cheloveka // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1994. № 1. S. 150.

4. Birjukov M.M. Lissabonskij dogovor o novej roli parlamentov gosudarstv-chlenov v mehanizme prinjatija reshenij institutami Evropejskogo sojuza / Otnosheniya Rossiya — ES na poroge peremen. Liber

amicorum v chest' L.M. Jentina. Evropejskij uchebnyj institut MGIMO (U) MID RF. — M., 2009. S. 199—215.

5. Birjukov M.M. Evropejskij sojuz, Evrokongress i mezhdunarodnoe pravo. — M., 2006. 256 s.

6. Bogaturov A.D. Krizis mirovostremennogo regulirovaniya // Mezhdunarodnaja zhizn' — International Affairs. 1993. № 7. S. 30—40.

7. Braml' J. Ot pravovogo gosudarstva k gosudarstvu bezopasnosti? Ogranichenie grazhdanskih prav lichnosti administraciej Busha // Social'nye i gumanitarnye nauki: otech. i zarubezh. lit. Referativnyj zhurnal. Ser 4. Gosudarstvo i pravo. 2005. № 3. S. 10—13.

8. Gavrilov V.V. Razvitie koncepcii pravovoj sistemy v zarubezhnoj pravovoj doktrine vo vtoroj polovine HH — nachale HHI vekov // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2004. № 4. S. 19—35.

9. Dmitrieva G.K., Lukashuk I.I. Mezhdunarodnyj princip demokratii // Mezhdunarodnaja zhizn'. 1992. № 11—12. S. 15.
10. Djumon H. Vopros o evropejskom gosudarstve s točki zrenija konstitucionalista // Social'nye i gumanitarnye nauki: otech. i zarubezhn. lit.: Referativnyj zhurnal. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo. — M., 2005. № 1. S. 8—14.
11. Evmenov L.F. Problemy mezhdunarodnoj ideologii prav cheloveka: principy i imperativy // Mezhdunarodnoe pravo. Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. 1998. № 5. S. 24—36.
12. Evropejskoe pravo: uchebnik / pod red. L.M. Jentina. — M., 2000. S. 92—93.
13. Iskakova G.K. Prava i svobody cheloveka v uslovijah postkommunisticheskogo tranzita. — Almaty, 2003. S. 67—81.
14. Kalamkarjan R.A. Koncepcija gospodstva prava v sovremennom mezhdunarodnom prave // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 6. S. 50—57.
15. Kartashkin V.A. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave. — M., 1995. S. 65, 92—93, 94.
16. Kolosov Ju.M. O ponjatii Evropejskogo mezhdunarodnogo prava // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2006. S. 194—198.
17. Kolotova N.V. Pravo i prava cheloveka v uslovijah globalizacii // Gosudarstvo i pravo. 2006. № 2. S. 115—120;
18. Kochetov Je.G. Globalistika: teorija, metodologija, praktika. — M., 2002. S. 92—95.
19. Lebedeva M.M. Izmenenie politicheskoj struktury mira na rubezhe vekov // Mezhdunarodnye otnoshenija v HHI veke: novye dejstvujushhie lica, instituty i processy: mater. Mezhdunar.konf. RAMI, MGIMO (U), MID RF, ISI NNGU (29—30 sent. 2000 g.) / pod obshh. red. O.A. Ko-lobova). — M., 2001. S. 5—12.
20. Lejst O.Je. Sushhnost' prava: problemy teorii i filosofii prava. — M., 2002. S. 11.
21. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaja chast'. — M., 2005. S. 160—161.
22. Maleev Ju.N. Neizvestnye, no obshhepriznannye // Mezhdunarodnoe pravo. 2005. № 1(21). S. 20.
23. Maleev Ju.N. Sovet Bezopasnosti OON i voprosy mezhdunarodnogo upravlenija // Mezhdunarodnoe pravo. 2006. № 1(25). S. 24—47.
24. Maleev Ju.N. Perspektivy mezhdunarodnogo upravlenija // Vestnik MGOU. 2007. № 4(29). S. 7—16.
25. Maleev Ju.N. 60 let Organizacii Ob#edinennyh Nacij. Skol'ko eshhe? // Mezhdunarodnoe pravo. 2005. № 3.
26. Maleev Ju.N. Evropejskoe pravo — mezhdunarodnoe pravo v kontekste otnoshenij Rossija — Evropa // Mezhdunarodnoe pravo. 2008. № 4(36). S. 27—39.
27. Moiseev A.A. Nadgosudarstvennost' v sovremennom mezhdunarodnom prave. — M., 2007. S. 98.
28. Narochnickaja N.A. Prava cheloveka i mirovaja politika: koncepcii i real'nost' // Zakonodatel'stvo i pravo. 2007. № 8.
29. Nersesjanc V.S. Processy universalizacii prava i gosudarstva v globalizirujushhemsja mire // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 5. S. 38—47.
30. Obshhaja teorija prava i gosudarstva / pod red. V.V. Lazareva. — M., 1996. S. 311.
31. Oppengejm L. Mezhdunarodnoe pravo / per. s angl. — M., 1948. T. 1 (polutom 1). S. 47.
32. Prava cheloveka: itogi veka, tendencii, perspektivy / pod red. E.A.Lukashevoj. — M., 2002.
33. Pravo byt' chelovekom: Vsemirnaja konferencija po pravam cheloveka (Vena, 1993 g.). — Minsk, 1996. S. 5, 16, 57, 58, 62, 71, 192.
34. Teorija gosudarstva i prava / pod red. V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. — M., 2000. S. 104—108. S. 189.
35. Tunkin G.I. Teorija mezhdunarodnogo prava. — M., 1970. S. 412—425.
36. Habarov S.A. Parlament OON: politiko-pravovye koncepcii // Predstavitel'naja vlast': monitoring, analiz, informacija. 1996. № 9—10. S. 39—52.
37. Civadze N.A. Zadachi mezhdunarodnogo prava v globalizirujushhemsja mire: po materialam Moskovskogo juridicheskogo foruma «Globalizacija, gosudarstvo, pravo, XXI vek» // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 10. S. 113—119.
38. Cygankov P.A. Teorija mezhdunarodnyh otnoshenij. — M., 2003. 590 s.
39. Chernichenko S.V. Oчерki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu. — M., 2009. S. 745.
40. Shumilov V.M. Globalizacija mirovoj jekonomiki i global'naja pravovaja sistema // Vneshne-jekonomicheskij bjulleten'. 2002. № 8. S. 73.
41. Shumilov V.M. Koncepcija Global'noj pravovoj sistemy // Jurist-mezhdunarodnik. 2003. № 3. S. 46—52.
42. Jentin L.M. Pravo Evropejskogo sojuza: novyj jetap jevoljucii: 2009—2017 gody. — M., 2009.
43. Jerkkart B., Chajlders Je. Mir nuzhdaetsja v rukovodstve: zavtrashnij den' OON // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1990. № 10—11.
44. Javich L.S. O filosofii prava na HHI vek // Pravovedenie. 2004. № 4. S. 4—18.
45. <http://www.amnestyinternational.org>
46. Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. — London, 1953.
47. Chimni B.S. International Institutions Today: an Imperial Global State in the Making // European Journal of International Law. 2004. Vol. 15. No 1. P. 1—37.
48. Clark G., Sohn L. World Peace Through World Law. — Cambridge, 1985. P. 19—60.
49. Defarge Ph. Les conflits de droits // Defence nationale. 2001. № 2. P. 140;
50. Eberhard Ch. The Intercultural Challenges of Law and Governance in a Globalizing World // www.lawandsociety.org
51. Ferencz B. New Legal Foundations for Global Survival: Security Through the Security Council. — Oceana Publications. 1994. P. 226.
52. Foreign Affairs. 1990. № 4.
53. Haveman R., Kavran O., Nicholls J. Supranational Criminal Law: A System Sui Generis. — Intersentia Publishing, 2003.
54. Hoffe O. Demokratie im Zeitalter der Globalisierung. — Munchen, 1999.
55. Nicolaidis K. & Shaffer G. Transnational Mutual Recognition Regimes: Governance Without Global Government // www.law.duke.edu/journals/lcp.
56. Suganami H. The Domestic Analogy and World Order Proposals. — Cambridge, 1989. P. 184—185.
57. Slaughter A.-M. A New World Order. — Princeton University Press. 2004.
58. Schrijver N. The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status. — Martunus Nijhoff Publishers, 2008.